

РАЗОБЛАЧЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ МОРАЛИ

НЕЛЬЗЯ не порадоваться появлению в репертуаре Московского театра имени Моссовета ибсеновской «Норы» или, правильнее, «Кукольного дома», пьесы, написанной ровно 80 лет назад. В истории Норы, героини «Кукольного дома», раскрылись явления, характерные для буржуазного общества с его лживой, фарисейской моралью, явления, свойственные буржуазной семье, где под личиной внешнего благополучия господствуют лицемерие и равнодушие к человеческому достоинству. Нора, путем мучительных разочарований наконец обнаружившая гнилость и непреодолимую эгоистичность отношений, царивших под кровом ее дома, на первый взгляд украшенного всеми «добродетелями» буржуазного образа жизни, смело разрывает путы, связавшие ее с семьей, путы, так долго сковывавшие ее смелую инициативу, принимавшие ее человеческое достоинство. В этом поступке Норы еще раз проявляются отличительные черты героев Ибсена. Недаром достоинство его драм Ф. Энгельс видел в том, что они показывают мир, в котором люди еще обладают характером, способным к инициативе и действию.

При сценической интерпретации пьесы нельзя обойтись в развертывании основного конфликта без любого из немногих персонажей «Кукольного дома». В спектакле Театра имени Моссовета каждый несет свою самостоятельную судьбу, свое горе. Театр не заслоняет главной линии высвобождения женщины из плена семейной фальши, дает свободное раскрытие этим разным человеческим судьбам. В то же время (и в этом, думается, примечательная черта режиссуры И. Анисимовой-Вульф) театр показывает не столько различные категории несчастия, увиден-

ные и переданные автором, сколько пути их преодоления.

В первую очередь это относится к Крогстаду — Р. Плятту, которого мы, так же как и Б. Оленина — Ранка, помним еще по спектаклю Театра имени Ленинского комсомола.

Крогстад Плятта, нелепое, громадное существо в длинной шубе, с первого появления на сцене привлекает внимание зрительного зала. Перед нами затравленный человек, робеющий (он нервно теребит кашне), озлобленный и доведенный до отчаяния борьбой за жизнь трех детей, человек, отвыкший от добра, но не потерянный для него.

Артистка М. Эттинген оживила скромный образ фру Линне душевностью и сдержанностью, противоположной экзальтированности Норы. Уверенно и мягко, но, может быть, чересчур трагично исполнение Б. Олениным роли Ранка.

У Ибсена дом Хельмеров — не худший из такого рода буржуазных домов. Его хозяин вполне корректен, «порядочен», даже импозантен. Что-то ведь должно было привлечь к нему Нору, только впоследствии убедившуюся в ничтожности своего избранника. У Хельмера (артист К. Михайлов) не хватает где-то уверенности в самом себе, кажущейся силы, обманывавшей Нору.

...И вот Нора — Любовь Орлова. Идет третий акт, решающий в пьесе, ибо для финальной сцены, по свидетельству Ибсена, она написана. Сопровождающуюся, взволнованную Нору—Орлову в неаполитанском костюме, в котором она только что танцевала тарантеллу, Хельмер вводит в комнату. Для нее не осталось больше надежды: муж неизбежно прочтет письмо Крогстада... Нора ждет «чуда» —

проявления Торвальдом героизма и внутренне готовится к смерти, чтобы не дать этому чуду осуществиться. Все второстепенное, наносное исчезает для нее, она уходит в себя, в тишину. Нора как-то внутренне замирает. А затем... После такой неожиданной и потрясающей для нее реакции Хельмера на письмо лицо Норы—Орловой окаменевают, превращается в маску, неморгающие глаза смотрят в пространство, в публику. Она почти не слушает мужа, подает ему реплики каким-то деревянным голосом. Эту сцену Орлова проводит с подлинным драматизмом.

Описанная выше сцена третьего акта — сцена катастрофы — в то же время и сцена нового рождения Норы. Здесь обрывается внутренняя тревога, снедавшая ее, и через трагедию, через муку разочарования и разрыва с семьей Нора приходит к радости освобождения, ибо впереди — бегство из «кукольного дома» в новую, хотя и неведомую жизнь. Этой радости преобразования мало в спектакле.

Роль Норы, несомненно, тщательно продумана и проработана как режиссурой, так и исполнительницей, создавшей запоминающийся образ. Как нюансируется различие отношения Норы к мужу, Ранку, детям, Крогстаду, Христине! Как верны и точны порой интонации свежего, чистого голоса артистки! В то же время иногда у Норы—Орловой появляются внешняя напряженность, искусственность в изломе рук, нарочитость подпрыгивающей походки.

Образ Норы, один из наиболее сложных в мировой драматургии, будет, очевидно, расти в исполнении Орловой от спектакля к спектаклю, приобретая необходимые одухотворенность, трепетность и легкость. Художник А. Гончаров создал удобный для действующих лиц и приятный для глаза интерьер норвежского буржуазного дома. Только почему он окружен свободным пространством, а не является замкнутым в себе миром, как подобает «кукольному дому», в атмосфере которого можно задохнуться?

Обращение Театра имени Моссовета к Ибсену — явление положительное, и мы верим, что спектакль этот надолго сохранится в его репертуаре.

А. ПОЛЬ.